

# О методологических поисках в советской исторической науке, пропаганде, просветительстве и неформальной жизни научного сообщества

<http://oralhistory.ru/talks/orh-2040>

🎤 28 июня 2016

## Собеседник

Пихоя Рудольф Германович

## Ведущие

Круглов Владимир Николаевич, Тихонов Виталий Витальевич

## Дата записи

Беседа записана 28 июня 2016 и опубликована 17 января 2018.

## Введение

Историк Рудольф Пихоя рассказывает о том, как развивалась историческая наука в СССР в 1960–1970-е годы: о преемственности между научными школами, сумме отношений внутри научного сообщества в советское время, просветительстве и пропаганде. Ученый описывает то, как сам пришел в науку и стал учиться у известного византиниста Михаила Яковлевича Сюзюмова, имевшего еще дореволюционную школу блестящей российской византинистики. Отдельно затрагивается тема методологических поисков в советской исторической науке в 1970-х – «новом направлении», которое произвело попытку пересмотра некоторых ставших к тому времени «нерушимых» схем, связанных с применением формационной теории, и, в частности, с возникновением Октябрьской революции. «Новое направление», сначала завоевавшее поле для дискуссий и нашедшее поддержку, вскоре было разгромлено, что становилось трагедией и для развития науки в целом, и для конкретных ученых.

*Материал подготовлен в сотрудничестве с Институтом российской истории РАН.*

## О музыкальной школе как пути в историческую науку

**Рудольф Германович Пихоя:** 28 июня 2016 года, 11 часов 15 минут. Я отвечаю на те вопросы, которые мне написали наши уважаемые интервьюеры, и первый вопрос звучит так: «Расскажите о себе, почему вы стали историком, была ли это случайность, или цель или семейная традиция?»

Сразу же должен сказать, что никакой семейной традицией это не было и в помине, потому что родился я в маленьком заводском поселке на Урале на Северском заводе, мама – учительница начальной школы, а папа – рабочий-строитель, и все это увлечение историей в значительной степени объяснялось тем, что я, что называется, с детства был «книжным пьяницей». Читал много и все подряд, и одна из первых книг, которая на удивление попала мне в этой жизни – это была «Хрестоматия по истории СССР», том второй, как потом я установил, под редакцией Дмитриева. Составители Дмитриев и Милица Васильевна Нечкина. Замечательная совершенно хрестоматия, я не знал, что это такое, но зато там были прелестные короткие рассказы, вроде анекдотов Штелина о Петре I или, там, запись и цитаты «Ведомостей» первых петровских, где было написано, что Олонецкого повета поп Иван Окулов, собрав охотников с тысячу человек, громил шведов нещадно, перебил их там великое множество, а [в] попово[м] войско – ранено три человека\*. Все это было настолько интересно, что я просто читал вот эти вот вещи и это было, может быть, до известной степени такое первое знакомство с историей в самом таком, может быть, облегченном варианте. Я думаю, что определенную роль сыграло и то, что со второго класса я пошел в музыкальную школу, и любимым моим предметом была музыкальная литература. Исполнитель я был никакой, несмотря на большую старательность, а вот музыкальная литература – это было очень интересно, потому что мы там слушали и Гайдна (и я впервые узнал об Австрийской империи, о графах Эстерхази\*\* именно тогда, когда читали эти вещи; о нидерландской революции – тогда, когда слушали Бетховена «Эгмонт»), и, конечно, потрясающая русская классика: гениальный Мусоргский, Римский-Корсаков и прочая, и прочая. Все это давало то чувственное восприятие истории, которое очень важно. Я не понимаю, с какого времени... Наверное, поспособствовало еще и то, что была очень хорошая учительница в пятом, шестом классе, Валентина Михайловна Прудаева, которая нам читала вот эту древность и Средние века, и я перечитал ее всю библиотеку домашнюю, благо, что были мы соседями в этом маленьком заводском поселке.

\* Полная цитата: «Из Олонца пишут. Города Олонца поп Иван Окулов, собрав охотников пеших с тысячу человек, ходил за рубеж в шведскую границу и разбил шведские Ругозенскую, и Гиппенскую, и Сумерскую, и Керисурскую заставы, а на тех заставах шведов побил многое число и взял рейтарское знамя, барабаны и шпиг, фузей и лошадей довольно, а что взял запасов и пожитков он, поп, и тем удовольствовал солдат своих. А достальные пожитки и хлебные запасы, коих не мог забрать, все пожег. И Соловскую мызу сжег, и около Соловской многие мызы и деревни дворов с тысячу пожег же. А на вышеписанных заставах по сказке языков, которых взял, конницы шведской убито пятьдесят человек, пехоты четыреста человек; ушло их конницы пятьдесят, пехоты сто человек, а из попова войска только ранено солдат два человека» (К истории города Олонца и его окрестностей (Сообщил Е.М. Прилежаев) // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. С. 227 – 237).

\*\* Эстерхази, или Эстергази-Галанта — крупнейшие частные землевладельцы Венгрии при Габсбургах. Приверженность царствующему дому и католицизму в XVII веке привела их род к быстрому обогащению. В 1626 году император Священной Римской империи сделал их графами.

## Выбор специализации. Об Уральском университете

И, в общем, как-то нечаянно сформировалось, что я хочу учиться именно на историческом факультете. Почему? До сих пор не очень понятно. Я закончил, там был целый ряд приключений... Я должен был уйти после восьмого класса из обычной школы в школу рабочей молодежи, с шестнадцати лет работал на стройке, закончил школу рабочей молодежи с неофициальным титулом «лучший математик школы». То есть, я спокойно мог поступить в любое другое учебное заведение, но выбрал именно истфак, и очень рад, что я поступил на исторический факультет Уральского университета, и никогда не имел оснований раскаиваться, потому что нахожу эту работу чрезвычайно интересной, увлекательной, и никогда бы не хотел ничего изменить. Могу сказать, что мне в жизни много приходилось заниматься разными делами, в частности, в качестве организатора археографической экспедиции, работать в ректорате, руководить архивной службой страны, но на всех этапах я так или иначе всегда оставался историком и старался оставаться историком. И это, конечно, свидетельство для меня лично, что профессию я выбрал достаточно

удачно. И почему это получилось? В значительной степени это определялось тем местом, где я учился. Это был Уральский университет. Тогда в стране у нас считалось шестьдесят четыре университета и считалось, что это просто до безобразия много, когда в стране шестьдесят четыре университета. Наш университет, Уральский, был основан в 1920 году и относился к числу таких сравнительно старых по советским масштабам университетов. Там была определенная традиция изучения... Там, собственно, было три школы: школа античников-византинистов, которую возглавлял Михаил Яковлевич Сюзюмов, там были новисты, которые занимались историей современных Балкан и [были] исследователи социально-экономической истории, главным образом Урала, XVIII – начала XX века. Вот три основных направления.

Оказавшись студентом первого курса, для меня не было никакого выбора, я знал, чем я хочу заниматься.

” То есть, я точно знал, что я не буду заниматься советской историей, потому что то, что мне мой отец рассказал в четырнадцать лет о своей судьбе, и обо всех этих подробностях, связанных с раскулачиванием и с 37-м годом, было гораздо более выразительно, чем все книги Солженицына, прочитанные позже.

И никакого желания заниматься советской историей у меня начисто не было, и вот эту вот неприязнь к 30-м годам я смог для себя преодолеть уже в очень больших годах, вообще даже лазить, лезть туда в этот период не хотел.

Говоря о преподавании того же самого XX века, истории партии, там были очень приличные преподаватели, но сама по себе история партии своей поразительной нелогичностью, пропусками, какой-то ерундой, она как-то не сильно меня подвигала, хотя, конечно, желающих заниматься историей партии было очень много.

Мне не очень интересна была новейшая история, потому что я полагал, что тут разница не слишком большая с современной историей, зато античность давала возможность заниматься всем на свете. И вот тут мне, что называется, в жизни повезло, и я считаю, что это в огромной степени предопределило весь мой жизненный путь. Я попал в руки замечательного профессора Михаила Яковлевича Сюзюмова, который закончил Дерптский императорский университет в 1916 году, был оставлен там для подготовки к профессорскому званию, который уже к 16-му году имел замечательные публикации, сохраняющие там... «Об источниках Льва Диакона и Скилицы», это статья, которая до сегодняшнего времени считается одной из лучших, рассказывающих о походах Святослава на Балканы.

## О Михаиле Сюзюмове

М.Я. Сюзюмов во время работы в Свердловском педагогическом институте. 1948 г. Источник фото: <http://hist.igni.urfu.ru>

И Сюзюмов, был, конечно удивительным человеком, потому что он нес в себе вот эту старую традицию Дерптского императорского университета — он всегда именовал его именно так, не Юрьевский университет, а именно Дерптский Императорский университет, [это был человек,] который при каждом случае рассказывал о корпоративных традициях, как основе университетской жизни, который все подвергал сомнению и все требовало проверки. Он был исключительно жестким и строгим преподавателем, и невероятно образованным. Он говорил на всех европейских языках, начиная от итальянского и кончая финским. Он умудрился сохранять в советские времена хорошие отношения и постоянную переписку со своими однокашниками по Дерпту и по Петроградскому университету,

переписывался с ними.

” Это был еретик, который мог на каждом шагу объявить о том, что «история заканчивается декабристами, дальше начинается журналистика».

В этом случае я не мог не разделять его точку зрения. И это был человек, который мог на собрании, посвященном пятидесятилетию Октябрьской революции... А он умудрился быть еще и участником Гражданской войны, добровольцем. Когда мы его спрашивали: «Как же вы стали добровольцем?» А отец его – генерал. «Как вы стали добровольцем-красноармейцем?» Он сказал: «Да нас всех записывали добровольцами». А когда его выпустили по неосторожности на трибуну университетского собрания, посвященного пятидесятилетию Октябрьской революции, он вышел и сказал, что вообще никакого залпа «Авроры» не было, потому что он рядом сидел в рукописном отделе библиотеки Салтыкова-Щедрина, как он говорил, — [то есть] в Императорской публичной библиотеке, и никакого залпа там не было, он ничего не слышал, поэтому этого не было.

Дерптский университет. Конец XIX в. Источник фото: gobaltia.ru

И он нам читал... Я поэтому стал специализироваться у него, хотя формально числился по кафедре отечественной истории. То есть, я брал специальные курсы у медиевистов, занимаясь тематикой русско-византийских отношений в X–XI веке, что в значительной степени потом и стало потом основой для кандидатской работы.

Он был очень, конечно, своеобразным научным руководителем. Он давал тему, которая считалась принципиально неподъемной, потом с интересом смотрел, выплывает аспирант или студент или нет. Если аспирант выплывал, он с ним работал дальше, если не выплывал, он об этом не жалел.

Он читал замечательные курсы, он был потрясающим источниковедом, одним из лучших знатоков греческого языка, древнегреческого, латинского языка, он опубликовал важнейшие памятники по истории Византии VIII–X веков, такие как «Византийская книга Эпарха»\*, целый ряд других памятников. Но я бы сказал, что он заставлял нас заниматься очень много вопросами, которые лежали в сфере философии и истории права. Он читал удивительно важный курс, который назывался «историография Средних веков». Это была не историография Средних веков, а философия исторической науки. И вот он как раз показывал, каким образом историография, все время меняясь, отражая как бы изменения, которые происходят в обществе, она, старая историография, тем не менее, не уходит, она является еще одним кирпичом в здании исторической науки, то есть, не существует отрицания. Вообще идея континуитета, преемственности – это была одна из главных его идей.

\* Византийская книга Эпарха – официальный свод уставов константинопольских ремесленных и торговых корпораций, находившихся в ведении эпарха — градоначальника. Свод кодифицирован в X веке

Курс этот по истории Средних веков, в дальнейшем очень много спасал меня, достаточно сказать, что кандидатский экзамен по философии я сдавал, просто-напросто пересказав преподавателю какие-то разделы этого курса.

Второй курс, который он читал очень внимательно, тщательно и в течение двух лет, это был огромный курс по истории римского права. Этот курс любопытен был, прежде всего, следующими моментами. Первое – это такие классические штудии источников. Второе – это понимание логики организации жизни в условиях не только раннего Средневековья, но гораздо большего. Там целый ряд интересных вещей. Знакомство с римским правом и позже много помогало мне в жизни. И третье обстоятельство, это то, что сшибало все наши стереотипы, когда мы читали о локаутах\*, о забастовках, о банковском проценте,

и все это относилось к V–VI веку нашей эры, это, в общем-то, как-то сильно подрывало основы вот этой формационной теории. Нужно сказать, что сам Сюзюмов формально и убежденно считал себя марксистом, правда, у него был собственный марксизм, который к официальному марксизму не имел никакого отношения, а взгляды его были скорее близки к такому вот позднему позитивизму и ближе всего [они] были к концепции Дмитрия Моисеевича Петрушевского.

\* Локаут – временная остановка работы (или существенное сокращение объемов производства) предприятия работодателем с прекращением выплаты зарплаты, с целью оказания давления на работников. Аналог забастовки, но не со стороны работника, а со стороны работодателя.

Вообще, нужно сказать, что учение у Сюзюмова дало мне чрезвычайно много, и вот удивительно: что значит возможность учиться у хорошего профессора? Это то, что какие-то вещи, заложенные Сюзюмовым, стали проявляться в сорок, пятьдесят, а то и в шестьдесят лет. Это безусловная удача. Я не один раз могу поблагодарить советскую карательную политику, которая забрасывала таких людей в русскую провинцию, человека доброго, хорошего преподавателя и в школе, и в университете и, в частности, среди людей, оказавшихся таким вот образом. Сюзюмов, конечно, отсидел за коллекционирование марок, так что там хватало и этих разговоров. Он очень много дал мне для жизни, и моя вечная ему память и вечная благодарность.

## Обучение в аспирантуре

В этом смысле я должен сказать, что образование дало в тот момент много. Образование... учиться было интересно. Вместе с тем было огромное количество лагун образовательных. Когда я, скорей случайно, попал в аспирантуру... Очень много вообще случайностей на своем веку посчитал: поступал в университет при конкурсе двадцать пять человек на место, прошел по нижней планке тогдашней, в аспирантуру я не должен был поступить, потому что вообще аспирантуры не было по медиевистике, а тут кто-то отказался. Я уже к этому времени работал в социологической лаборатории, и достаточно все было хорошо и интересно, но кто-то отказался поступать... Вернее, не было кандидата в аспирантуру по истории партии, просто мест дали много, и я случайно на это место по истории партии попал к Сюзюмову.

Вот, а потом выяснилось, когда оказалась тема (а Сюзюмов ее сформулировал с таким вот безбрежным размахом – «Влияние византийского права на право Древней Руси») – это всё что хочешь и топор. Когда я начал подходить к этой теме (причем он не утруждал себя в этот момент никакими особыми комментариями), то пришлось заниматься, учиться, учиться, наверное, больше, чем в университете, потому что надо было так или иначе смотреть филологическую литературу, надо было смотреть литературу по истории Византии, надо было смотреть правовую литературу, надо было заниматься палеографией, потому что я вообще [об этом] представления не имел и рукописи никогда не видел, а вся работа в конечном итоге вылилась в анализ рукописей. Дай бог здоровья Московскому университету, тогдашнему заместителю декана Александру Сергеевичу Орлову, который тогда помог мне. У нас была возможность стажироваться в МГУ и я сидел вместе со студентами, ходил вместе с ними на занятия в ГИМ, изучал палеографию. Это была, в общем, очень тяжелая работа, потому что так как тогда я занимался – в аспирантуре первый год – [так] вообще, по-моему, никогда не занимался, [никогда] столько не работал.

А когда стало уже что-то получаться, вот тогда появились очень ценные, очень важные, очень осторожные, аккуратные советы Михаила Яковлевича Сюзюмова, которые в конечном итоге привели к тому, что я подготовил кандидатскую диссертацию по истории покаянной дисциплины домонгольской Руси. Нужно сказать, что этой темой вообще не занимались в советское время, последняя работа на эту тему вышли то ли в 914-м, то ли в 916-м году во Второй московской духовной академии.

Весь смысл этой работы сводился к тому, что существует значительная группа исторических источников по истории домонгольской Руси (что само по себе в первый момент не очень укладывается в голову), которые неизвестны до сегодняшнего времени, и можно существенно увеличить вот этот вот источниковый потенциал домонгольской Руси, причем, в той части, которая касалась, может быть, самого интересного вопроса, а, может, самого главного вопроса истории: как раньше люди жили? Потому

что именно покаянная дисциплина давала возможность найти любопытные ответы на вопросы. Этот интерес к источниковедению в значительной степени у меня и сохранился в дальнейшем.

В университете мне потом пришлось заниматься организацией уральской археографической экспедиции, искать древние книги и рукописи, создавать свои лаборатории и прочая, прочая, прочая. Там ребята позацищались почти все. Ребята, с которыми мы ездили в экспедицию, сейчас ходят в докторрах наук и дай бог им всяческих успехов в дальнейшем.

## Об Институте российской истории

Следующий вопрос, который вы формулируете: расскажите, как и когда вы пришли в институт\*, и что он представлял собой в те годы? Опишите ваши первые впечатления.

\* То есть, Институт российской истории РАН, в советское время – Институт истории СССР.

Я пришел в институт впервые в своей жизни в конце 1969 года, потому что надо было искать в любом случае какие-то научные контакты по теме. До этого я был в Ленинградском университете, встречался с Владимиром Васильевичем Мавродиным, который мне авторитетно заявил, что по моей теме никого нет. Я сказал, что, может, кто-то есть в Духовной академии, может, туда сходить? Он сказал: «Да что вы, Духовная академия, мы сами в свое время там кадры преподавателей подбирали. Никого нет».

Я поехал тогда в Институт российской истории и пошел к Владимиру Терентьевичу Пашуто, который заведовал сектором, по-моему, домонгольской Руси, хотя, может быть, сектор назывался иначе. На мой вопрос невероятно элегантно, красивый Владимир Терентьевич сказал, что вообще этой темой занимается Ярослав Николаевич Шапов (который вообще-то занимался не совсем этой темой, и в дальнейшем мы очень много сотрудничали, и я ему очень признателен за это сотрудничество). На самом деле он занимался историей кормчих книг, что далеко не исчерпывало тему, но, тем не менее слова, Владимира Терентьевича были такие решительные, что тут делать нечего и вообще этой темой не следует заниматься. Я грешным делом в тот момент сильно усомнился в этом. Это и были мои первые контакты с институтом.

В дальнейшем эти контакты пошли по другой линии. С 74-го года, когда у нас появилась своя археографическая экспедиция, я стал постоянно присутствовать на третьем этаже этого здания\* в кабинете Сигурда Оттовича Шмидта, в археографической комиссии, где вершилось все планирование археографических экспедиций, со всякими интересными подробностями: делили территории не хуже, чем было описано у Ильфа и Петрова, только мы... я позволял себе всякие неполиткорректные шутки, что мы тут дети лейтенанта Шмидта. Не лейтенанта Шмидта, а генерал-лейтенанта Шмидта.

\* То есть, здания, в котором располагается Институт российской истории РАН, где и проходила беседа с Р.Г. Пихоей.

Торжественное заседание, посвященное 90-летию С.О. Шмидта. Слева направо: руководитель отделения краеведения и историко-культурного туризма РГГУ, председатель Союза краеведов России В.Ф. Козлов; С.О. Шмидт; ректор РГГУ, член-корреспондент РАН Е.И. Пивовар. Москва, 17 апреля 2012 г. Источник фото: <http://mosjour.ru/>

Вместе с тем я должен отметить, что, когда появилась моя диссертация, меня пригласили в тот же самый сектор Владимира Терентьевича, где я делал доклад по новым памятникам, открытым, и должен был участвовать в публикации. Тогда под его руководством началась публикация памятников домонгольского периода, вот такой огромный корпус. К сожалению, эта программа завершилась, – видимо по причинам, которые к Владимиру Терентьевичу отношения уже не имели.

В это время контакты с институтом были, но были, конечно, и другие контакты с институтом, о которых я скажу несколько позже. Но, тем не менее, вот в этот момент мои контакты с институтом были не столько контактами с институтом, сколько контактами в институте потому что формально археографическая

комиссия числилась за Институтом славяноведения, — я по-старому называю: Балканистики и славяноведения, но, тем не менее, дислокация ее приходилась как раз на третий этаж этого здания.

## Методологические поиски в 1960—1970-е годы

Как менялась работа в институте, как шла исследовательская работа? Я бы сказал, не в институте, а просто в стране в 70-е годы. Я бы тут отметил несколько тенденций. Одна из этих тенденций была связана с тем, что в 60-е годы появляется целый ряд, — я говорю в самом точном смысле, — новых направлений. Возникает целый ряд интереснейших дискуссий, например дискуссия о соотношении исторической социологии и исторической науки, чрезвычайно интересная, плодотворная, на мой взгляд, очень интересная. Начинаются споры о границах применения формационной теории для изучения истории страны. Появляется попытка пересмотра некоторых уже к тому времени «железобетонных» схем, связанных с применением формационной теории, и, в частности, с возникновением Октябрьской революции. И начинаются споры о роли, об обстоятельствах появления революции в России в 17-м году. Кто являлся главной движущей силой? Спор этот чрезвычайно важный, потому что он велся как бы строго с позиции советского менталитета, но в советском менталитете существовал ряд расхождений, которые были заложены еще в свое время в 17-м году тем же самым Лениным. Потому что Ленин как прагматик и как практик много писал о роли крестьянства в совершении революции и рассуждал о том, что нерешенность аграрного вопроса ни царским правительством, ни временным правительством делала все крестьянство заинтересованным в том, чтобы свергнуть существующий строй. В других случаях тот же самый Ленин говорил о том, действуя по марксистской схеме, что именно пролетариат и беднейшее крестьянство, то есть сельский пролетариат, совершают переход к социалистической революции. Вот это все в значительной степени и подготовило дискуссию о многоукладности, которая заняла одно из центральных мест в развитии историографии на рубеже 60-х и 70-х годов.

Это опять-таки выходило из ленинских работ о наличии нескольких укладов в стране, причем, наряду с капиталистическим укладом Ленин там перечисляет целый ряд укладов, которые никакого отношения к капитализму не имеют. И появляется стремление выявить вот эти все уклады, то есть представить себе эту палитру социально-экономического развития России намного богаче.

Я сразу же хочу сказать, что меня это интересовало, мягко говоря, не сильно, потому что второй тенденцией, которая в это время получает развитие в исторической науке и в которую пошло очень много молодежи, и ваш покорный слуга в том числе, это было изучение, что называется, корней отечественной истории. Это то, что называется «анализ духовного наследия», культурного наследия, попытка уйти от социологических схем. Это своего рода... Мы этот термин даже и не осознавали толком, но это [была] такая своего рода внутренняя эмиграция.

И археографическая экспедиция — когда мы работали со староверами, встречались, дружили, читали эти книги, там вплоть до того, что в каких-то случаях приглашали в наставники в качестве арбитров в каких-то спорах... Это было невероятно интересно и это не имело отношения ко всему этому делу. Нас — меня — это просто не очень интересовало. То есть, я смотрел за этим делом, но это меня не очень интересовало. У меня там были другие занятия, [и] чем там занимаются историки XIX — начала XX века, это как бы... Ну, занимаются и занимаются.

Я должен сказать, что эта тяга, она совпадает в культурном смысле с появлением в литературе деревенщиков. В литературе появляется Трифонов, который пытается разобраться в истории и отойти от этих самых штампов, ну, прежде всего деревенщички.

Это время расцвета археографических исследований. Все лучшие студенты факультета были у меня в экспедиции, все лучшие студенты, очередь стояла, отбоя не было. Лучшие ребята были у меня, что вызывало определенные внутренние естественные трения на факультете, это понятно, но как бы принималось как некоторая данность.

Но эти споры имеют прямое отношение к Институту российской истории, тогда Институту истории СССР.

Когда в начале 70-х годов я здесь был на стажировке, еще тогда не защитился, и мне звонит мой заведующий кафедрой Владимир Васильевич Адамов. А только что у нас в Свердловске прошла огромная конференция по многоукладности, которая шла с шумом, гамом, барабанным боем. Проводил ее свердловский обком партии, событие было огромной важности для Свердловска, потому что Институт российской истории, научный совет по Октябрьской революции проводит в Свердловске такую конференцию! Народу была уйма.

Уральский государственный университет имени Горького. Свердловск, 1968 г. Источник фото:<http://visualhistory.livejournal.com>

Опять-таки меня это не особенно интересовало, я слышал там все эти вещи, разговаривал, но как-то это все... Для меня эта тема не представлялась сколько-нибудь интересной. Но когда позвонил Владимир Васильевич Адамов и попросил прийти в Институт российской истории, где будут обсуждаться вопросы, связанные с конференцией по многоукладности и в связи с новым направлением, я, конечно, пошел. И вот я присутствовал при удивительной сцене: два дня я приходил сюда и поднимался на четвертый этаж, где вдоль всего... [стола, а я] устроился там в задних рядах, естественно, зал был забит, – значит, где вдоль всего стола были по бордюру выложены все пятьдесят четыре тома полного собрания Владимира Ильича Ленина. Заседание вел Павел Васильевич Волобуев, директор Института истории СССР, до недавнего прошлого сотрудник Отдела науки Центрального комитета партии, то есть его в антипартийном поведении как бы трудно было заподозрить. Заседание шло очень интересно; в первый день там выступил представитель Высшей школы профдвижения Шарапов, который обвинил новое направление в том, что они «принижают роль пролетариата в Великой Октябрьской революции, и, доказывая особую роль крестьянства в Октябрьской революции, лишают Октябрьскую революцию ее закономерности как пролетарской революции эпохи империализма». Обвинение очень такое, я бы сказал, масштабное. После чего начались выступления. Большинство выступавших не поддержало в тот момент точку зрения Шарапова. Там выступали люди, которые говорили, что надо изучать историю Октябрьской революции, потому что переход к социализму в условиях многоукладности должен помочь нам понять обстоятельства перехода в будущем стран Азии и Африки к социалистическому строю и прочая, прочая, прочая.

И нужно сказать, что такая вот лобовая, топорная система аргументации, которые использовал Шарапов, она, конечно, настораживала. Среди выступавших был академик Минц, который так аккуратно поддержал позицию нового направления.

Начинается второй день, все меняется на сто пятьдесят, на сто восемьдесят градусов. Вся дискуссия разворачивается, а заканчивается дискуссия тем, что выходит на трибуну какой-то неизвестный инструктор Центрального Комитета партии, который просто заканчивает все это дело.

После этого появляются публикации в прессе академика Минца, который громит новое направление и далее по тексту.

Когда я вернулся в Свердловск и чего-то тут, работая, зашел на кафедру, – смотрю, мой сокурсник по аспирантуре, который занимался как раз историей Урала, выполняет такую функцию: он отдирает корочки от сборника по многоукладности и выбрасывает их. Вышло распоряжение ликвидировать вообще тираж. Значит, часть разошлась, а остальное...

”

И тогда Владимир Васильевич взял одну из этих книг, которая подлежала уничтожению, и подписал: «Уважаемому Рудольфу Германовичу на память о том, что в науке не все просто». Она хранится у меня по сей день.

Так что такая вот история об исторической науке, где историческая наука выступала в данном случае как простой объект манипулирования, партийного манипулирования, что только утверждало меня в моих феодальных увлечениях и подтверждало истину Михаила Яковлевича Сюзюмова, что история заканчивается восстанием декабристов, а дальше начинается журналистика.

Это было важно еще и потому, что это, конечно, был огромный удар по институту, по Институту истории СССР, потому что это заканчивало всякие, даже самые аккуратные, самые робкие методологические поиски, и вот такой вот дубоватый настрой устанавливается в исторической науке.

Вот это как раз вариант того, каким образом идеология влияет на науку. Я должен сказать, что этот вот разгром нового направления привел к тому, что у нас в историографии образовалась чудовищная дыра, не заросшая до сегодняшнего времени. Отбили руки желающим заниматься социально-экономической историей конца XIX – начала XX века. Образовалась вот такая вот поколенческая прореха, которая до сегодняшнего времени, вот только-только, может, где-то начинает затягиваться, но на самом деле так и не затянулась. И это, конечно, очень тяжелое дело. Я могу сказать, что это была и трагедия и для людей. Тот же самый Адамов уже до смерти не публиковался, просто не пропускали ни одной его статьи. Это еще можно было делать в Москве, где как-то так люди еще выходили [выпускали статьи], а в условиях Свердловска просто была полная цензура и человека не публиковали. Это, конечно, такая большая личная трагедия.

Владимир Васильевич Адамов. 1970-е гг. Источник фото: <http://hist.igni.urfu.ru>

Сразу же могу сказать, что занятие XVIII веком... Сначала древней Русью... Докторскую я писал по XVIII веку. Ну, какие тут ограничения с архивами? Вперед, работой сколько хочешь. Какие ограничения? Ограничения только [в смысле] личного времени и собственных способностей.

## Наука и регалии

[Вопрос про] отношение к молодежи. Ну, я сразу же хочу сказать одну вещь важную: вообще в науке все эти наши ранги, звания, должности имеют отношение только к отделу кадров и бухгалтерии. Потому что в науке не имеет значения, кто ты сам, академик или аспирант. Важно, что останется в сухом остатке историографии. Я могу перечислять, но не буду этого делать, академиков, которых мы никогда не вспомним. Я могу перечислять людей, которым тридцать-сорок лет, без которых историография вообще невозможна. Это все суета сует. Наука – она как бы имманентна по своей природе, она не зависит от тех пряжек, которые мы на себя надеваем. Это все для бухгалтерии.

Отношение... Да, действительно до сорока лет защищать докторскую считалось неприличным, абсолютно неприличным. Ваш покорный слуга, кстати, защищал ровно в сорок лет. Это было на грани приличия. Это было на грани приличия. Знаете, в общем, я, когда прочитал ваш вопрос, задумался, почему сорок лет? Начал прикидывать. Ну, обычно университет заканчивают в двадцать два – двадцать три года. Да? В двадцать три года. Чтобы подготовить приличную кандидатскую диссертацию, это как минимум четыре года, да? Это двадцать семь лет. Чтобы сделать хорошую докторскую диссертацию, это считайте лет семь-восемь, причем, по правилам приличных людей не полагалось писать докторскую диссертацию даже по тому периоду, по которому написана кандидатская диссертация. Это то, что входило в норму приличных людей. Во всяком случае, нельзя было писать – исключения были, о них я тоже скажу позже, – по той теме, которая так или иначе касалась твоей кандидатской диссертации, то есть надо было писать по другой теме. Ну, считайте, добавляйте к этому еще лет восемь-десять. Сколько получается? Тридцать восемь? Где-то так оно и получалось.

А что касается молодежи, я еще раз могу повторить то же самое, что я сказал: то, что все это суета сует,

а наука – она сама по себе.

Мне пришлось много иметь отношение к институту тогда, когда я руководил Государственной архивной службой России. Я здесь постоянно выступал, меня тут постоянно спрашивали-допрашивали, я сам тут делал какие-то доклады и так далее и тому подобное, это было бесконечно.

## Об Институте российской истории в 1990-е годы и открытии архивов

Что я могу сказать об институте 90-х годов? Я хочу начать с начала. Самое главное, и я считаю, что это главное достоинство тогдашнего руководства института во главе с Сахаровым, это то, что институт остался, что удалось институт сохранить. Это главное. Потому что, ну не факт... Какие-то институции развалились, провалились и традиции ушли. Здесь в данном случае время, конечно, [было] тяжелейшее, но, тем не менее, выжили.

Второе, это время, когда я столкнулся с некоторым парадоксом. Начало девяностых годов – это огромное открытие архивов. Я не буду сейчас называть фамилии, фамилии самые известные, первого ряда: никакого энтузиазма от открытия архивов в Институте российской истории не наблюдалось. Не наблюдалось. Почему? Это было интересно для молодежи, для тех, кто начинал работать. Для старшего поколения и тех людей, которые занимались XX веком, это просто [было] крушение основ. Отсюда разговоры: «Надо аккуратнее открывать архивы». Находилась масса эвфемизмов, смысл которых состоял в том, чтобы отдавать в час по чайной ложке. Хотите прочитать эти эвфемизмы, возьмите публикации Владимира Петровича Козлова, который как раз в своих рассуждениях вот там все это дело написал, как надо аккуратнее отрывать, чтобы лишнего не открыть.

Я помню конфликт, когда я был инициатором возрождения журнала «Исторический архив», который мы создавали как негосударственный, принципиально создавали как негосударственный [журнал]. Я исходил из той логики, о которой объявил публично, за что публично и получил от Афанасьева Юрия Николаевича. [Он] говорил (это есть в «Известиях», напечатано): «Почему вы так стремитесь открывать архивы?». Я ответил: «Потому что в России на каждую реформу приходится своя контрреформа. Реформа длится обычно пять лет, а контрреформа – двадцать пять лет. Поэтому, чем больше мы сделаем, тем труднее будет потом закрывать». На что мне Афанасьев в «Комсомолке» ответил: «Пихоя не верит в необратимость демократических реформ в России». Ну, ладно, бог с ним.

И в институте, конечно, вот это достаточно так сложно воспринималось. Были, конечно, и анекдотические случаи, когда я выступаю, мне говорят: «Ну, слушайте, как вы говорите о том, что у вас архивы открыты, вот я который раз прихожу в архив ЦПА, у вас там все время двери закрыты». Я что-то так немножко не могу понять: «Как двери закрыты?» – «Ну, вот как ни приду, всё двери закрыты». Меня осенило, я говорю: «Слушайте, а вы с какой стороны, с какой улицы-то приходите?». Он говорит: «Ну, как откуда, я с улицы Горького захожу». На улице Горького вход был закрыт еще в 70-е годы! Он открылся на Большой Дмитровке (*смеется*).

Так что не так все просто. Хотя, на самом деле в это время появляется мощное направление в изучении советской истории – это, конечно, замечательный Андрей Константинович Соколов, который сам понимал и мыслил невероятно широко, и привлек большое количество молодежи; появляется новая проблематика и так далее, и тому подобное. Я уже попозже, уйдя из Росархива, сотрудничая с Институтом истории, будучи заведующим кафедрой в Академии госслужбы, – мы чрезвычайно много сотрудничали с Андреем Константиновичем Соколовым, и не только с ним, но прежде всего с ним. Когда мы выступали, вместе проводили и методологические семинары, делали доклады, Сергей Владимирович Журавлев... да, там возникло такое очень интересное творческое взаимодействие, и это взаимодействие само по себе свидетельствовало о том, что в институте появляется новое поколение [историков] и новое отношение к источникам. Прежде всего, это касается, конечно, XX века потому что классические направления, как они были, эти классические направления, так они и остались как классические направления.

## О сочетании преподавания и науки

Вот такой вот вопрос, который вы задаете: «Как вы считаете, преподавание помогает или мешает занятию наукой, можете ли вы назвать существующие институтские научные школы, кого бы вы назвали выдающимся историком?» Я убежден в том, что преподавание помогает изучению исторической науки. Почему?

**” Потому что преподавание лишает историка права и возможности не делать выводы, преподавание вынуждает его делать выводы, вынуждает, подталкивает, потому что в преподавании без выводов нельзя.**

Я могу сослаться на предисловие к замечательной книжке Михаила Николаевича Тихомирова «Исследование о Русской Правде». Замечательная монография, я считаю одна из лучших монографий по истории русского феодализма, где в предисловии Михаил Николаевич писал, что он не написал бы эту книгу, если бы не отвечал на те вопросы, которые ему задавали студенты Архивного института. Так что я думаю, что слова Михаила Николаевича Тихомирова – это лучшее подтверждение важности преподавания для того, чтобы формулировать проблематику.

**Владимир Николаевич Круглов:** Рудольф Германович, в развитие этой темы: я встречал такое суждение, что в 1970–1980-е годы гораздо более свободная обстановка, именно для выводов тех самых, была именно в институтских аудиториях нежели, скажем, в научных работах.

**Р.П.:** Наверное, да, потому что, понимаете, такой феномен, как полевая археография, появляется не в академическом институте, он появляется в университетах. Он существует в Пушкинском доме, который числится по Академии наук, но это филологическое направление, подчеркнута как бы уходящее от таких жестких идеологических схем. Конечно, в университете была большая степень свободы, потому что там было меньше досмотра, все-таки институт по своей природе, он более компактен и более организован. Там есть еще одна важная вещь: чем отличались собственно университетские преподаватели от сотрудников института, если они [сотрудники] работали только в институте? Дело в том, что университетский преподаватель вынужден смотреть на историю шире своей темы, потому что в институте, – вот один из пороков института – это наличие глубоких специалистов по узким вопросам, которые занимаются одной темой всю свою собственную жизнь, не делая шага ни вправо, ни влево, ни вверх, ни вниз. Они только долбят по своей тематике, они все по ней знают, но кроме этого они могут ничего не знать. Это нередкая вещь и над этим неоднократно потешались университетские преподаватели, контактируя с сотрудниками института. Но, тем не менее, институт давал именно возможность такой серьезной научной работы.

## О научных школах

Когда мы говорим о научных школах... Научные школы – это важная вещь в исторической науке. Я вообще считаю, что научные школы – это основа исторической науки, и научное родословие гораздо важнее, чем родословие генеалогическое.

Вот пример вот таких научных школ – это научные школы Михаила Николаевича Тихомирова. Михаил Николаевич Тихомиров, который готовит целый ряд учеников. Среди его учеников Николай Николаевич Покровский, Буганов, Александр Иванович Рогов, Сигурд Оттович Шмидт. И там перечислять можно очень много людей, причем это люди, для которых характерно профессиональное уважение к источнику. Вот этим они, кстати, отличаются от ряда других направлений. Уважение к источнику, стремление поиска источника, стремление посмотреть на прошлое через призму этого источника, через призму документа, а не только социологической некой схемы. И школа Тихомирова оказалась чрезвычайно живучей, вот эта

школа Тихомирова, она живет до сегодняшнего времени. Школа Тихомирова – это Покровский и сибирское отделение Академии наук. Школа Тихомирова – это Шмидт и его археографическая комиссия. Школа Тихомирова – [это] Буганов, [а] сейчас Николай Михайлович Рогожин с его учениками – это школа Тихомирова. Это школа Тихомирова. Это чрезвычайно важно.

Дальше, в советском периоде, это школа Владимира Зиновьевича Дробижева. Андрей Константинович Соколов и ныне присные, присутствующие здесь – это школа Дробижева. Кстати, на мой взгляд, школа Дробижева – это единственная школа, которая занималась социально-экономической историей [и] которая уцелела, в значительной степени уцелела и сохранила вот этот творческий потенциал. Кстати, сам Владимир Зиновьевич был человеком невероятно широким; и культурных, и научных, и каких угодно интересов, и он был замечательным педагогом. И эти школы существуют.

Целый ряд крупных ученых не создал школы. Могу сказать, что еще Милюков писал, что у того же самого Ключевского своей школы не было, потому что у него были студенты, но у него не было своей школы. То, что мы считаем школой Ключевского, в значительной степени это школа Виноградова, медиевиста, который занимался с людьми, которые занимались русской историей, откуда пошли и Михаил Николаевич Покровский, и сам Милюков, и Кизеветтер, и имя им легион. Это школа, которая как бы базировалась на Московском университете, но занимались... Занятия со студентами – это отдельная история. Для этого требуется и личность преподавателя, требуется уважение к студенту – не к студенту, а к исследователю молодому. И возможность подсказать ему, где-то помочь. Я чрезвычайно горжусь своей принадлежностью к школе Сюзюмова и никогда [от этих вещей] не откажусь.

” А если говорить о самом выдающемся историке института, я могу сказать, что с самым выдающимся историком института я не общался, но я как бы общался с ним через поколение. Это Михаил Николаевич Тихомиров.

М.Н. Тихомиров (в центре) со своими аспирантами. Слева от него историк Л.В. Авдудевская (Данилова), над ними склонился С.О. Шмидт. 1950-е гг. Источник фото: <http://slavyanskaya-kultura.ru>

Для меня это величайший историк, который вообще имел отношение к этому.

Для меня это совершенно важно.

**В.К.:** Рудольф Германович, а вот что влияет на создание научной школы, на ее успешность, по-вашему?

**Р.П.:** Понимаете, на эту тему существует целый ряд науковедческих исследований. Что влияет на создание научной школы? Прежде всего, нужна идея. Идея достаточно широкая, которая может объединить вокруг себя многих людей, поэтому если ты способен генерировать, сформулировать вот это широкое направление, где найдется место не только тебе, но еще и многим людям – а это, кстати, отдельная история – вот тогда ты можешь что-то делать, потому что... Ну, тот же самый Тихомиров: там у него и Корецкий с его исследованиями конца XVI – начала XVII века, и там люди, которые занимаются домонгольской Русью, тот же Ярослав Николаевич Цапов и далее по тексту. Там необходимо сформулировать вот такое широкое, так сказать, целевое исследование.

И второе очень важное обстоятельство, на которое обращают внимание историки науки, на мой взгляд, очень тонкое замечание: что школа существует только тогда, когда внутри школы появляются люди, которые в состоянии ее изменить. Которые сохраняют верность каким-то основным принципам, но способны сменить вектор. Которые могут предложить какие-то другие направления, ну вот, опять-таки, ссылаясь хотя бы на историю той школы, которая связана с Дробижевым.

Вот Дробижев\* занимается рабочим классом. Андрей Константинович [Соколов] исходит из того, что рабочий класс – это скорее некая мифологема. Когда-то он поразил меня этими размышлениями. Что на самом деле нужно говорить о наличии многих сословных групп внутри единого рабочего класса. И вот он берет целый ряд групп, такие группы, например, как история военно-промышленного комплекса. И появляется целый ряд людей, которые занимаются историей ВПК, а кто-то занимается историей отношения общества к власти в 20-е – 30-е годы. Это тоже из школы Андрея Константиновича Соколова, тут можно назвать много. Каждая школа, если она не способна к трансформации, в конце концов загнется. Живучесть школы определяется возможностью, способностью сохранить какие-то базовые ценности и вместе с тем искать новые направления в развитии науки. И слава Богу, что историческая наука дает для этого массу возможностей.

\* Оговорка. Очевидно, имеется в виду А.К. Соколов.



А.К. Соколов. Источник фото: <http://socialhistory.org>

## Об отношениях внутри сообщества историков, о пропаганде и просветительстве

Вот вы задаете вопрос: если историки, это особая каста, то какая именно? Как вы относитесь к известному высказыванию, что история – это политика, опрокинутая в прошлое? Я должен сразу сказать, что история, историческая наука – не каста, а вот внутри истории, внутри исторической науки есть несколько каст, и очень отличающихся.

В наши годы историческая наука делилась на две части, она делилась на историю КПСС, которая считалась общественной наукой, и всякую другую историю, которая называлась гуманитарными науками. Что сие значит? А значило это очень много: это нагрузка другая преподавателям (я просто как проректор университета это все проходил многократно и разнообразно). У историков партии максимальная нагрузка была пятьсот пятьдесят часов, у гуманитаров она была от семисот пятидесяти и больше. Исключение составлял, кстати, только один университет страны – это Московский университет, там все историки шли по разряду обществоведов. Но оставим это на совести планирующих органов Министерства высшего образования СССР.

Историки партии – это совершенно отдельная каста. Почему она отдельная? Ну, потому что, во-первых, историков партии было великое множество, в любом высшем учебном заведении, начиная с сельскохозяйственного института, заканчивая балетным училищем, обязательно должна была быть кафедра истории КПСС. Отсюда огромная потребность в историках партии. Это всегда давало возможность карьерного роста внутри истории партии. Поэтому сообразительные ребята шли на историю партии, понимая, что, заканчивая специальность по истории партии, они имеют возможность поступить в аспирантуру. Как правило, [это] и происходило.

Что такое поступить в аспирантуру в то время? Это социальный лифт, мощнейший социальный лифт. Потому что если средняя зарплата была где-то сто тридцать рублей, то, худо-бедно защитившись, ты мог рассчитывать на двести восемьдесят, со стажем – триста двадцать. Хорошие деньги по тем временам. То есть это уровень жизни, который в два, в два с половиной раза был выше среднего по стране, плюс, что называется, «общественное уважение».

Позже это все выродилось вообще в странные вещи. Тогда, когда с начала 70-х годов появились специализированные кафедры истории КПСС в университетах, для них создали свою историографию истории КПСС, резко урезав «огнем» обычную историографию и увеличив эти вещи, и, что самое страшное – источниковедение истории КПСС. То есть, они заранее выходили такими вот ребятами достаточно обструганными. Это одно направление. Это одна каста, и это действительно каста, потому что я уже говорил, что это уже и аспирантура.



Я помню, как нас после второго курса, кто учился хорошо, просто собрали на кафедре и сказали: «Вот, ребята, кто хочет дальше оставаться в университете, кому нужна аспирантура, вперед, и специализируйтесь по истории партии». Я после этого дела сдуру чуть из университета не ушел, потому что это как-то не сильно походило на науку.

Но дальше на этом кастовая природа исторической науки не завершается, потому что внутри историков как гуманитаров можно было выделить, по меньшей мере, еще три группы.

Первая группа – это медиевисты. Это ребята, которых всегда очень мало, у которых шансы поступить в аспирантуру были минимальны, надо было из кожи вон лезть, чтобы поступить в аспирантуру, и часто было это дело случая. Это необходимость знания языков, в том числе и древних языков. И это, конечно, отдельная каста, это своего рода, позволю себе сказать, такая внутренняя аристократия.

Дальше шли феодалы. Потому что читать скоропись – это был такой признак маленького шика, который отличал вообще человека, входящего в архивы от тех, кто может скоропись читать XVII века, XVII–XVIII века. Вот. Это люди, которые должны были работать с источниками, которые имели возможность работать в архивах, которые очень эти возможности ценили.

И дальше, собственно говоря, те, кто занимались XIX и XX веком, это историки советского периода и историки капитализма. Вот они отличались от историков партии тем, что они были лишены таких формальных возможностей, но, тем не менее, это внутренняя градация как бы в самой исторической науке.

Отдельно о новистах, о которых я не упомянул. Четвертая группа – это новисты, которые занимались историей, скажем, XVI–XX веков. Это, как правило, обязательное знание – хорошее знание – иностранных языков и так далее.

Все это потом проявилось в 70-е годы, когда существенно облегчились возможности поездки за границу, стажировки за границей. Потому что в 70-е годы оказаться в стажировке за границей было достаточно просто. Вот ваш покорный слуга в свое время предлагал такую... Когда предложили, я нарисовал тему «Влияние саксонской металлургии на металлургию Урала XVIII века», это мне было интересно, и я немедленно получил приглашение на стажировку. Я прошел все необходимые этапы, мне это было чрезвычайно интересно. Когда все прошел, то отказался от стажировки. До сих пор не знаю, сделал ли я правильно или неправильно, но, наверное, сделал правильно, потому что тогда, я прикидывал для себя, что это надо год готовиться для стажировки, год быть на стажировке, а потом год отвыкать от стажировки. Поэтому для меня было интересней просто пройти это всю эту довольно сложную процедуру согласований с тем, чтобы потом не поехать.

Для новистов – целый ряд моих коллег, друзей, учились, стажировались в Италии, Чехии, бог его знает еще где, и вернулись оттуда как бы просто на другом уровне понимания исторической науки. Это тоже интересное историческое направление.

Так что историческая наука была очень неоднородной, но есть некоторые профессиональные качества, которые нужно учитывать. В исторической науке всегда существует грань, когда историческая наука перестает быть наукой. Она наука до тех пор, пока она основывается на источниках, когда в основе ее лежит исследование и понимание того, что наука никогда не содержит в себе заранее предопределенных выводов.



Если ты начинаешь писать работу на тему: «Роль чего-то в расширении, повышении и прочая, прочая», то на этом наука заканчивается.

Для меня до сегодняшнего времени всегда представляется загадочной попытка сформулировать название собственной монографии, тем более дать содержание монографии на будущие четыре года. Черт его знает, чего там будет. Я ж не знаю, что там будет, потому что источники позволяют развернуть тебя не один раз и самым неожиданным образом.

Но возвращаюсь к нашей теме. Есть наука и есть пропаганда. Вот история КПСС – это такой классический вариант пропаганды. Ушла пропаганда? Чем пропаганда отличается от просвещения, отличается от науки? Это три совершенно разных вещи. Пропаганда – это от латинского pro paganis – «для язычников», это не вопрос знания, это вопрос веры. Вот [есть] то, во что ты веришь, – [и] ты в свою веру должен обратить других, ты вот это ломишь. Вся аргументация сводится к знаменитому тезису, сформулированному в свое время Владимиром Ильичом Лениным: «Учение Маркса всеильно потому что оно верно». Почему оно верно? Это не вопрос аргументации, это вопрос веры. Если ты веришь, вперед и с песней! Таких примеров можно приводить огромное количество. Пропаганда всегда основывается на иллюстративном методе: ты выдергиваешь какое-то количество фактов и развешиваешь их по своей вере, как по елке. Вот пример вот такой вот пропаганды галимой от исторической науки – это замечательный министр культуры Мединский, Нарочницкая и так далее, когда берется совокупность... можно там... на самом деле, можно увеличить.



Пропаганда не уходит с историей партии, она существует, живет, она востребована. Количество вот этого пропагандистского продукта, извиняюсь за выражение, бесконечно в своем развитии.

Есть вторая тема, чрезвычайно важная: просветительство. Просветительство – это не пропаганда, просветительство – это передача знаний. Это очень важная, очень благородная цель, которая никакого отношения к пропаганде не имеет.

И третье, это наука, которая служит фундаментом, в конце концов, для просветительства, и суть науки состоит в том, что это всегда езда в незнание, ты не знаешь, [во что] это дело выльется. Я помню как я ошалел, когда занимаясь там концом 40-х, началом 50-х годов, вдруг обнаружил, что оказывается Берия – не тот Берия, о котором я был слышан от молодых ногтей, что, оказывается, существовали реформаторские концепции Берии. Что, оказывается, Маленков – это не проходная фигура, это одна из попыток проведения реформ, а самая консервативная реформа, которая была осуществлена – это реформа Хрущева. Я знал что-нибудь, когда брался за эту книгу? Я-то думал, что я уже все знаю. Я там с конца 80-х годов был председателем докторского совета по защите. Тем не менее, как выяснилось, источники дают совершенно другие [сведения]. Я и сейчас работаю в архивах, я и сейчас кучу сведений, которые... Казалось бы, проработав много лет, там зная источники и так далее, я не мог себе предвидеть, что это вот так. В этом смысле, конечно, наука – это наука. И в этом смысле наука не очень зависит от политики, потому что я еще раз повторю: науке присущи свои имманентные законы. Историческая наука существует со времен Геродота и Полибия, Фукидида и Августина Блаженного, наука всегда будет пересматриваться, наука потому и наука, что там не существует вечных истин. Мой замечательный учитель Михаил Яковлевич Сюзюмов однажды напечатал: «Если бы очевидные истины не пересматривались, то наука бы осталась на уровне Августина Блаженного». То есть наука – она всегда будет переписываться, именно потому что она наука! Будучи таковой, она никогда не имеет конечной точки в своем развитии, и это нормальное состояние науки в отличие от пропаганды, которая оперирует совершенно другими критериями.

Вот, пожалуй, и все, что я мог вам рассказать.

**В.К.:** Одно уточнение к вопросу можно?

**Р.П.:** Ради бога!

**В.К.:** Вы говорили о кастах в исторической науке. Говоря о советском периоде, каковы были отношения между представителями этих каст? Скажем, к тем же представителям истории КПСС какое отношение было у других историков?

**Р.П.:** Ну, это была политика... Понимаете, это называется «ничего личного». У них были свои игрушки, у нас были свои. По секрету, время от времени, выпивая, они говорили: «Черт, мы вам завидуем, что вы можете, а вот нас вот как-то ограничивают». Историки партии ведь за свою красивую жизнь они ведь рассчитывались тем, что... Важнейшие источники по истории партии – это партийные архивы. Чтобы попасть в областной партийный архив, надо было быть членом КПСС. Это отдельная история, то есть ты должен был вступить в партию, а это не простая процедура, а это была профессиональная необходимость: просто иначе ты не мог быть историком партии. Поступить в партию – это раз, потому что в инструкции говорилось: «В порядке исключения разрешается комсомольцам», но это исключение никогда не действовало. И дальше для того, чтобы тебя допустили к документам, требовалось разрешение секретаря обкома партии.

**” Но когда вы получали это разрешение секретаря обкома партии, вы думаете, что вас допускали до каталога, до описи? Ничего подобного. Вы давали письмо с вашей темой сотруднику архива, и он подбирал то, что он находил необходимым дать вам. Вот и все.**

Так что, знаете, за это тоже приходилось платить.

Отношения были вполне... как бы разные, потому что историки партии тоже были разные. Историки партии тоже пытались найти ниши, в которых можно было чувствовать себя более-менее вольготно. Какие это ниши? Прежде всего, это история культуры. История культуры давала возможность не лезть жестко в эти партийные архивы, давала возможность исследовать деятельность там местных наркомпросов и прочая, прочая, прочая. И потом, совершенно ясно было, что [во] все[м], что касалось культурной революции, у власти были свои определенные достоинства, чего тут говорить, это правда. И в этом смысле эта работа была более-менее позитивная.

Я знаю, что любопытными и вполне профессиональными были работы историков партии по истории, например, Гражданской войны. Потому что они работали с теми же самыми архивами, далеко не обязательно партийными архивами. То есть, там тоже были разные [варианты]... хотя был типовый вариант, который звучал следующим образом: там, «роль КПСС в поднятии, расширении, улучшении, укреплении чего-нибудь», от животноводства до партийной печати. По формулировке «два обкома на одну пятилетку» – это кандидатская диссертация, «четыре обкома на две пятилетки» – это докторская диссертация. Причем часто это выражалось в том, что к этим двум обкомам, к этой старой кандидатской диссертации добавлялось... Старая часть шла автоматом в новую работу, а к ней дописывалось. Ну, это, что называется, профессиональное требование. Причем если речь шла о докторской диссертации, то ее тематика утверждалась здесь, в Москве, утверждал ее Центральный партийный архив для того, чтобы не возникало как бы дублирования тем.

Дублирование тем – это странная вещь потому что я не знаю, как можно дублировать тему по исторической науке. Мне в ВАКе пришлось столкнуться с тем, что на одно заседание пришло две диссертации с совершенно одинаковым названием, и это были две разных прекрасных докторских диссертации.

Историческая материя, знаете, бесконечна в своем развитии.

**Виталий Витальевич Тихонов.:** Есть такое мнение, что история КПСС – своего рода такая стигма, что человек профнепригоден.

**Р.П. (вздыхает):** Знаете, разные люди по-разному. Я могу сказать, что для кого-то – да. Для кого-то – да. Могу сказать, что в историки партии попадали люди зачастую совершенно как бы со своеобразным представлением о прошлом, их просто в свое время, скажем, в 50-е годы записали по истории партии. Я знал такого одного историка, у него был весь дом иконами завешен и, как только появилась возможность, он стал радостно писать по истории белого движения, вполне профессионально.

Я знаю такого историка партии, уже сейчас, к сожалению, покойного, Михаила Ефимовича Главацкого, который занимался историей культуры и который и в те-то времена писал вполне приличные книги, и потом. Появилась возможность, и появился целый ряд работ, например, посвященных «философскому пароходу»\*. До сих пор одна из лучших книг, написанная по этому делу – это как раз монография Михаила Ефимовича Главацкого. То есть, для кого-то это не стало вот этим предопределением, но для значительной части – да. Самое страшное это то, что за многими историками партии стояло вот это историко-партийное образование. А это историко-партийное образование, которое будет применено к другим направлениям истории, оно все равно будет толкать на иллюстративный путь, на попытку подогнать выводы под заданный результат, и так далее, и тому подобное. Вот это, к сожалению, больно.

\* «Философский пароход» – собирательное название кампании, связанной с насильственной высылкой видных учёных и философов из Советской России в сентябре 1922. Она осуществлялась на двух пароходах и была инициирована Владимиром Лениным.

**В.К.:** Еще один такой вопрос: вот здесь, в институте, в 90-е годы, несмотря на то, что, как вы сказали, не все приняли «архивную революцию», все-таки было достаточно много историко-документальных проектов, в которых участвовали непосредственно наши сотрудники. Вот Росархив, вот эта история взаимодействия, сотрудничества института...

**Р.П.:** Я могу сказать только одно, что Росархив был отчаянно заинтересован в публикациях, тут и вопросов не возникало, потому что Росархив был чрезвычайно заинтересован в публикациях, вот и все. Другое дело, что сама возможность публикации зачастую упиралась в отсутствие ресурсов, потому что у Росархива для публикации денег просто не могло быть, потому что он не является по определению исследовательским институтом. Мы пытались там что-то [делать] в свое время, в момент как раз начала 90-х годов – какие-то научные функции Росархиву присвоить, но нам юристы правительства очень быстро и ясно объяснили, что «вы не имеете для этого права», поэтому, если надо что-то опубликовать, то только при помощи научных институций, а уж денег на это они уж точно давать не будут. Еще вопросы?

**В.Т.:** Еще у меня такой вопрос, опять-таки, может, несколько о неформальной стороне жизни историка в советский период. Вот вы упомянули об общественном уважении, которое имел аспирант, кандидат и так далее. В чем оно выражалось конкретно? Известно, что научный работник в советское время – это был человек все-таки с уже неким заданным авторитетом в обществе.

**Р.П.:** Ну, в полной мере это так. Я не могу сказать, что это как-то касалось аспиранта, потому что аспирант – это аспирант, но с момента защиты ваш статус существенно [менялся], причем, там очень интересные вещи были. Я помню, накануне защиты диссертации один из моих старших друзей в университете сказал: «Вот ты увидишь, на второй день к тебе изменится отношение». Я рассмеялся: «Слушай, чего ради? Я здесь вырос, я тут весь свой, меня тут и так все любят и уважают». Но он был прав! На следующий день все изменилось.

То есть это какие-то тонкие вещи, которые я не могу толком сформулировать, но вот... понимание того, что ты совершил... При всем при том, что наука, я еще раз повторю, совершенно не зависит от званий. Но диссертация имеет отдельную характеристику: это квалификационная работа, это вступление в цех. И вот когда ты вот эту средневековую процедуру – это ж средневековая процедура у нас – защита там, все эти дела, это цеховая традиция – и когда ты эти цеховые традиции выполняешь полностью,

соответствуешь, ты вступаешь в этот цех и на тебя невольно распространяются вот эти вот вещи.

Ну, а дальше следовало утверждение. Меня, кстати, утверждали очень долго, почти год, работу мою кандидатскую гоняли на рецензии, потому что не знали, что с ней делать. Ее в конце концов Библиотека Ленина, зачислила ее по разряду атеизма (*произносит «атеизма» почти шепотом – прим. ред.*). Вот. Она была на «черной рецензии»\*. Ну, в конце концов [ученую степень] присвоили, но она выбивалась, конечно. Я тогда просто не понимал, что такое в 74-м году защитить диссертацию по покаянной дисциплине. Когда Арон Яковлевич Гуревич в «Средних веках», в журнале, опубликовал статью о покаянной дисциплине средневековой Европы, на него обрушилось такое количество репрессий... о которых он много пишет в своих мемуарах. А я диссертацию умудрился написать в то время. Ну, мы просто не понимали этих причин, просто не понимали опасности этого дела, что и спасало (к вопросу о провинциальности). Это иногда придавало такую, знаете, смелость от незнания. И слава богу!

\* «Черная рецензия» – непубличный, закрытый отзыв члена Экспертного совета ВАК на диссертацию, в котором излагаются все достоинства и недостатки работы без умолчаний, своего рода независимое экспертное мнение для членов ЭС. Может быть отрицательным или положительным, однозначно негативной коннотации этот термин не несёт, слово «чёрная» означает именно закрытость, неразглашаемость (даже автору диссертации).

Вот, а потом все-таки следовало и другое жалование, зарплаты-то были не очень большие. Я могу сказать, что секретарь обкома партии такой не сильно большой области получал где-то рублей четыреста пятьдесят, а заведующий кафедрой получал там четыреста пятьдесят — пятьсот с лишним рублей. Первый секретарь Свердловского обкома партии получал восемьсот рублей, ректор, проректор получал около этого. Понимаете? Я не хочу говорить обо всех остальных подробностях специфической системы распределения благ в Советском Союзе, но формально эти критерии несут высокий статус. Во всяком случае, я знаю, что, когда я перешел на работу в Росархив в качестве председателя комитета по делам архива, я получал меньше, чем я получал в университете.

## О неформальной жизни научного сообщества и разделении на физиков и лириков

**В.Т.:** Хотелось бы продолжить вопрос о неформальной жизни научного сообщества. Есть такое понятие, как академический фольклор, академические легенды, мифы и так далее. Что-нибудь такое вспоминается, начиная с университета?

**Р.П.:** Понимаете, конечно, было, но, видите, мне повезло тем, что я учился на маленьком историческом факультете, у нас в свое время, когда мы учились, было формально пятьдесят человек в группе, фактически всегда училось чуть меньше. У нас были очень близкие отношения с преподавателями, и там были, конечно, свои традиции, какие-то свои вот эти вот человеческие...

На самом деле, что очень важно: это ощущение корпоративности – оно было. Отношения между студентами и преподавателями, отношения между факультетами ревнивое. Традиционно наш факультет как бы неровно дышал к журналистам и наоборот, а, допустим, у физиков было постоянное соперничество с математиками, какие-то такие вот вещи. Но это все укладывалось как бы в традиции некой корпоративности, и это было характерно вообще для тогдашней высшей школы. То есть, вот рядом с нами был Уральский политехнический институт, который был гораздо больше, богаче, известней, там вся власть оттуда была, все секретари обкома свердловского всегда были из Уральского политехнического института, там были свои факультеты, где были свои... Мы были свои, они были свои, у всех было такое внутреннее соперничество, своя система ценностей. И сама по себе идея корпоративности все-таки в то время была. Мне кажется, что эта идея корпоративности сейчас бесконечно уходит из высшей школы. Но я думаю, что идея корпоративности живет в институте, потому что институт весь как бы закован на этих корпоративных традициях, на этой преемственности исторической, на каких-то неформальных тонких отношениях, на структуре организаций, на работе таких институтов, как научные советы, проблемные советы, диссертационные советы, это все тоже сугубо специфично и не переносится ни в какое другое место. Вот, наверное, Институт российской истории –

это сейчас такой оплот корпоративности исторической науки.

**В.К.:** А то самое разделение на физиков и лириков, оно чувствовалось?

**Р.П.:** Вы знаете, в хорошем университете оно не чувствовалось. То есть, я могу сказать, что я бегал на лекции, популярные лекции, которые читал такой Кикоин, брат академика Кикоина, Абрама Кикоина, который делал атомную бомбу. Уже весь университет был связан с... Все естественные факультеты. У нас в свое время читали, я в свое время организовывал чтение лекций по экологии для студентов-историков и нахожу это чрезвычайно полезным. То есть, у нас были какие-то межфакультетские связи, которые, на мой взгляд, чрезвычайно важны, потому что они позволяли уходить от этого, знаете, профессионального кретинизма. То есть, возможность посмотреть, послушать философов, послушать геологов, когда там есть хорошие геологи, интересных химиков, физиков; блестящие лекции по математике там читал академик Николай Николаевич Красовский, и все это, знаете, входило в контекст возможностей университетского образования, я бы сказал. В этом смысле университетское образование – это отдельно. Хорошее университетское образование – это отдельно.

**В.К.:** А потом, уже после окончания вуза чувствовалось какое-то такое вот... Ну, сейчас часто бывает, что, скажем, технари к гуманитариям относятся довольно-таки враждебно. Известна шутка: «Не говори „идиот“, говори „гуманитарный склад ума“» и так далее. Что-то такое было в советское время?

**Р.П.:** Вы понимаете, я не знаю, я никогда с этим делом не встречался. Я могу сказать, что по роду своей деятельности в университете я отвечал за развитие науки, я делил деньги между физиками, математиками, астрономами и прочая, прочая. Это была ведь не административная только должность, я должен был понимать, кто что делает, должен был найти экспертов, узнать, мог сказать... Мне вот тут недавно припоминали, как я запретил строить обсерваторию. Ко мне пришли астрономы и сказали, что они собираются с Московским Университетом строить – это был 89-й год – строить обсерваторию на Памире, потому что там идеальные условия для наблюдения. Там разреженный воздух, отсутствие пыли, прекрасные оптические возможности и всякие дела.

**” Я сказал: «Ни в коем случае ничего не дам, потому что что там будет происходить с Таджикистаном, я не знаю, поэтому ни копейки не дам. Чтобы вас потом вытаскивать какими-то способами – вас оттуда и не вытащить, случись что».**

Второй раз пришли с Якутии, я запретил строить в Якутии, потому что тогда в Якутии были беспорядки, первые волнения начинались в Якутии.

В конце концов, обсерваторию выстроили на границе Оренбургской области и Казахстана, со стороны Оренбургской области, где, как выяснилось, условия наблюдения точно такие же как на Памире, но зато можно вывезти людей на автобусе.

**В.К.:** Тогда, в конце 80-х вы чувствовали, что идет куда-то не туда?

**Р.П.:** Ну вот, я вам просто рассказываю, как оно есть. Я просто недавно был в университете, мне астрономы напомнили эту историю.

**В.Т.:** По поводу Сюзюмова тогда. Известно, что у него были достаточно не то чтобы напряженные, но, во всяком случае, такие непростые взаимоотношения с московскими медиевистами. Они на него как-то свысока посматривали...

**Р.П.:** Ну, конечно, конечно. А что им еще оставалось делать, когда Сюзюмов в 50-м году публично выступил против революции рабов и стал доказывать, что это глупость? Революции рабов не может быть, потому что рабы по определению не могли быть носителями новых общественных отношений, это глупость! А это было одно из положений, сформулированных «великим вождем» Иосифом

Виссарионовичем Сталиным. Ну как можно было еще относиться к Сюзюмову? Надо было объявить его сумасшедшим. Да они все прекрасно знали цену Сюзюмову! Все прекрасно знали! Поэтому старались его держать с определенным таким снобистско... ну, извините, греческий язык он знал лучше всех, латинский язык он знал лучше всех, и он единственным был преемником этой старой традиции. Ему писали византилисты из Соединенных Штатов Америки. Не Удальцову, а ему писали. Вот и все.

## О региональной специфике в русской и советской исторической науке

**В.Т.:** Вот эта иерархия, условно говоря, между столичными и провинциальными историками, она в советское время была?

**Р.П.:** Да вы знаете, как вам сказать? Может быть, она была, но как бы вам сказать? Наверное, была, наверное ее пытались выстроить. Но – в чем счастье провинциалов – они этого не знали (*смеется*) и поэтому легко обходились без этого.

**В.К.:** А может еще и не получалось эту иерархию выстроить, потому что все-таки московские ученые зачастую сами были провинциалами?

**Р.П.:** Дело не в этом, дело в том, что и в самой исторической науке этого времени не было... Вот эти региональные различия, они были очень большие.

Вот была ленинградская школа. Причем, ленинградская школа, она ведь уходит еще в конец XIX века, в середину XIX века. Там появляется сосланный из Москвы Бестужев-Рюмин, который там возглавляет кафедру, явно сосланный, невероятно образованный человек. Хороших работ о Бестужеве-Рюмине не написано по сей день. Бестужев-Рюмин – это человек, который переводит на русский язык Бокля. Бокля, который был евангелием для позитивистов конца XIX века. Если вы посмотрите Достоевского, Толстого, кого угодно, вы обязательно там встретите ссылки на Бокля, прямое цитирование Бокля, указания на Бокля. Бокля издавали в России много больше, чем Пушкина, о чем вы тоже не знаете. Перевел его Бестужев-Рюмин.

«История цивилизации в Англии» Г.Т. Бокля в переводе К.Н. Бестужева-Рюмина, издание 1863 г.

Чем интересна была концепция Бокля? Это жесткий позитивизм, который устанавливает логику исторического развития в зависимости от социально-экономического развития страны. В истории цивилизации Англии он устанавливает закономерности, статистические закономерности между ценами на хлеб и брачным поведением людей, между погодой, временем года и статистикой самоубийств в Англии. То есть, он в это любительское занятие художественным творчеством истории вносит жесткую логическую составляющую, и поэтому все историки второй половины XIX века верили только в одно, в позитивизм.

Появляется то, что называется «экономический материализм», на котором, кстати говоря, позже возникает вот эта рецепция марксизма уже на рубеже веков. Экономический материализм – это заслуга в значительной степени Бестужева-Рюмина.

Бестужев-Рюмин переводит работы Фюстель де Куланжа по поздней античности, чрезвычайно интересные и тоже основанные в значительной степени на этом совершенно современном методологическом подходе.

А потом Бестужев-Рюмин делает как бы поворот радикальный, если не на сто восемьдесят градусов, то на девяносто градусов. Он начинает заниматься вопросами источниковедения, летописеведения,

он предлагает свою логику развития русских летописей, причем, он с самого начала доказывает, что, «ребята, мы просто не знаем источников»; что на самом деле летописание не укладывается в шлёцеровскую схему этой простой ниточки, которая от Шлёцера потом уходит к Шахматову, а от Шахматова идет к Лихачеву, к Черепнину и так далее. Что на самом деле все сложнее, существовало значительное количество летописных центров. Это не простая линия, это мощный куст летописания.

И это становится питерской традицией.

В начале XX века Никольский, составляя словарь древнерусских текстов, словарь авторов древнерусских текстов, пишет, что это только начальные материалы, что мы еще не знаем всего корпуса этих источников. Глубочайший интерес к источникам – это особенность ленинградской школы или петербургской школы.

А Москва – она вся насквозь социологична. Тут всё концепции: тут у нас концепция Соловьева, тут у нас с вами концепция государственной школы, тут у нас концепция непонятно какая, но уж сильно интересная, Василия Осиповича Ключевского, что во всем мире идет так, а у нас в России наоборот, и это становится концепцией для Василия Осиповича Ключевского.

Этот концептуальный подход московский и источниковедческий подход ленинградский будет существовать, он и сейчас существует: это совершенно разные подходы к истории формирования феодальных отношений, к вопросу о роли черносошного крестьянства, где там разделение самое радикальное из всех возможных.

Это и дальше существовало. И эта разница школ приводит к тому, что ни одно из этих направлений не обладало абсолютной монополией в науке, что само по себе давало и дает возможность [развития науки], потому что отсутствие монополии, конкурентность в науке есть условие развития последней.

**В.К.:** А с историками союзных республик были какие-то особенности во взаимоотношениях, у них были какие-то особые свои подходы, школы?

**Р.П.:** Вы знаете, я вам скажу честно, что своими занятиями я не выходил практически на союзные республики. Я просто был свидетелем невероятных конфликтов на византиноведческой конференции между грузинами, азербайджанцами и армянами, которые пытались делить византийское наследие по национальным квартирам. Это было интересно, драматично, временами забавно, но мне [в] это [м участвовать] не приходилось, бог миловал.

## О публикациях и возможностях общения с зарубежными учеными

**В.К.:** Еще такой момент. Часто в воспоминаниях историков встречается такой момент, что исследовать в принципе при желании можно было очень многое, но было сложно опубликоваться. Что было с публикациями?

**Р.П.:** Да, это было очень тяжело. Ну, во-первых, действовал целый ряд ограничений публикаций: разрешались только тематические сборники, запрещались периодические издания университетские. Во всяком случае, сильно ограничивались. Я из-за этого, кстати, со своими церковно-приключенческими сюжетами покаянной дисциплины защитился на год позже, потому что не мог нигде опубликоваться, пока не появился сборник под названием «Вспомогательные исторические дисциплины» у нас в университете, и я там смог чего-то опубликовать. Я из-за этого задержал [защиту]. Вторая проблема у меня была сильнейшая, страшная: у нас была археографическая экспедиция, мы там работали, ребята писали кандидатские, я там работал над докторской, шла серьезная исследовательская работа. Но нам негде было печататься. То есть, можно было печататься в «Трудах отдела древнерусской литературы», можно было что-то опубликовать в Новосибирске, можно было что-то опубликовать в Археографическом ежегоднике, – что мы и делали, – но требовался свой сборник, чтобы мы могли более-менее нормально организовать планирование.

Для того чтобы это сделать, этот сборник несчастный, объемом в десять печатных листов, пробить, я должен был сначала получить в обкоме партии разрешение. Слава Богу нашлись знакомые, я получил это разрешение. Потом поехать в Москву, приехать сюда на... Высокопетровский монастырь, там находился Роскомиздат, получить там какую-то бумагу, по которой нам разрешалось это сделать. И потом появился наш сборник. Появившись, он уже начинал жить. И вот мы там каждый год чего-то публиковали и так далее, и тому подобное. То есть, это было очень сложно, это было очень сложно.

Существовали очень жесткие ограничения. Например, если вы работали в академическом институте, то вы имели право на публикацию в издательстве «Наука» (там было очень... все как положено) монографии, которая по своему объему не должна превышать двадцать печатных листов, это предел, если вы не академик. То есть двадцать печатных листов – это максимальный объем, который вы могли сделать. Вот. Там действовали, конечно, очень жесткие ограничения на самую возможность публикации.

И, конечно, я помню это свое состояние, когда с начала 90-х годов в университете денег нет, ничего нет, а публикации пошли рекой.

**В.К.:** И бумаги, говорят, не хватало [в советское время], и печатных мощностей...

**Р.П.:** Откуда все взялось? Сразу же? Да нет, все это было, и бумага была, и возможности были, и типографии были свои, и никакой сложности в этом деле не было. Это просто была сфера идеологической деятельности, это все считалось сферой идеологии, и все это можно было публиковать, только получив соответствующий уровень санкций.

**В.К.:** А нужно ли было так же как-то пробивать привоз ученых из-за рубежа? Вообще насколько контакты с зарубежными учеными были сложны или, наоборот, просты?

**Р.П.:** Вы знаете, когда я защитил свою кандидатскую диссертацию, меня отловил по библиографии такой американский историк Кайзер, который занимался близкой темой. Он начал со мной переписываться.

” Когда ко мне пришли первые письма, мой телефон стал на прослушку, вот сразу, просто. Это было очень забавно, утром он подключался, вечером – отключался. Кому была интересна эта покаянная дисциплина домонгольской Руси?!

Но, видимо, у людей как бы система тоже работала, и когда пошли какие-то частные письма из-за границы, то возникали такие вещи. Выводы делать? Это было смешно, но это было правдой, и потом смешно-то, смешно, но до поры до времени. Дэниел Кайзер.

**В.К.:** Но письма доходили, тем не менее, и можно было перезваниваться?

**Р.П.:** Перезваниваться нельзя было. Ну как я могу позвонить в Америку? Вы чего! Наверное, можно было, но я не знаю, я не пробовал.

**В.К.:** Понятно. А вот какие-нибудь неблагонадежные элементы, диссиденты, вот такого рода люди в исторической науке встречались ли вам?

**Р.П.:** Понимаете, мне, конечно, встречались ребята и диссиденты, и один из моих друзей, очень талантливый социолог, талантливый журналист, талантливый человек, Алексей Мясников, социолог очень хороший, в конце концов оказался в лагере и отсидел там достаточно долго за то, что он писал. Даже не публиковал, а просто писал.

Я вам могу сказать, что для меня вот это активное диссидентство было, во-первых, неинтересно. Потому что ну чего я не знал из того что они знали?.. Ну что, я не знал про эти лагеря, что ли? Да знал я про эти лагеря, знал я это все прекрасно! Что, я не знал про коллективизацию, про то, как голодали и людоедствовали? Знал я это все, все это было. В этом смысле это не было особенно интересно.

Это не было особенно интересно, и я вам скажу, что, конечно, какие-то кружки у нас там крутились вокруг, но мне это было просто не интересно. Это мне было просто неинтересно.

Потом, знаете, тот же Сюзюмов рассказывал мне замечательную историю. В 56-м году, в конце 56-го года (я потом об этом в книжке писал, но не по Сюзюмову, конечно, а нашел в документах ЦК КПСС), когда в 56-м году, в декабре, вышло закрытое письмо ЦК КПСС об антисоветских проявлениях в СССР после XX съезда, его стали зачитывать во всех партийных организациях. Когда его зачитывали в Свердловске, в Уральском политехническом институте, там встал некий студент Немелков, член партии, который сказал все, что он думает по поводу ЦК КПСС, по поводу того, что они все замазывают Сталина, что они все несут коллективную ответственность (руководство партии) за культ личности. В результате его поддержала партийная организация УПИ, в результате начались беспорядки, которые захватили Политехнический институт огромный, Педагогический институт и начались в Университете. Но мудрый ректор университета послал к студентам Сюзюмова, у которого была репутация человека отсидевшего, который вышел к студентам (это Сюзюмов мне рассказывал) и сказал: «Знаете, власть бывает плохая и очень плохая. Хорошей власти не бывает». Ребята разошлись. Университет был единственным вузом, в котором не пересажали кучу народа. Так что мое отношение было такое: власть бывает плохая и очень плохая.

М.Я. Сюзюмов. Фото сделано 20 ноября 1976 г. в день рождения Михаила Яковлевича, в аудитории №457 во время спецкурса «Римское право». Автор снимка студент А.А. Папулов. Источник фото и примечания: <http://hist.igni.urfu.ru>

**В.К.:** Оно и до сих пор так?

**Р.П. (смеется):** Далее! Это универсальный тезис.

**В.К.:** Понятно. Здесь еще вопрос о реформе Академии наук, вы можете сказать что-нибудь по этому поводу?

**Р.П.:** Я могу сказать только то, что меня страшно пугает реформирование тех институтов общественных, которые имеют определенного рода историческую инерцию. Эта историческая инерция в области образования, культуры, науки – она сама по себе является ценностью, и нарушение этой исторической инерции – это не благо.

**В.К.:** Ваш взгляд на будущее исторической науки в России?

**Р.П. (с иронией):** Будущее будет прекрасным, наше настоящее великолепно, а будущее будет вообще замечательно и прекрасно.

**В.К.:** Но нужно ли менять для этого именно какие-то институции?

**Р.П.:** Надо работать в архивах. Вот и все.

**В.К.:** То есть зависит все не от некой организации, а именно от самого историка-исследователя.

**Р.П.:** Конечно, конечно. В этом я глубоко убежден, на том и стою. Скажем, мне всю жизнь приходилось заниматься ровно тем, чем никто не занимается, и я никогда об этом не пожалел.

**В.К.:** Спасибо большое, Рудольф Германович.